

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

**Читайте
захватывающие остросюжетные романы
Ирины Градовой:**

**СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»**

Предложение,	Экзотический симптом
от которого не отказываются	Клиническая ложь
Не делай добра	Горькое лекарство
Смерть навывнос	Побочные эффекты

**СЕРИАЛ
«СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»**

Окончательный диагноз	Инородное тело
Врач от бога	Вскрытие покажет
Пациент скорее жив	Второе рождение
Последний секрет Парацельса	Врачебная ошибка
Чужое сердце	Рецепт от Фрейда
Забятая клятва Гиппократ	Мальтийский пациент
Шоковая терапия	Врачебные связи
Клиника в океане	Диагностика убийства
Вакцина смерти	Сколько стоит твоя смерть
Источник вечной жизни	Инстинкт хищницы

**СЕРИАЛ
«БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»**

Танец над пропастью	Последняя надежда обреченных
Ария для призрака	Актриса на роль подозреваемой
Венчальное кольцо Нибелунгов	Соло на раскаленной сцене
	Гнев Пигмалиона

**СЕРИАЛ
«АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»**

Ложь под звездным соусом
Жена государственной важности

**СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»**

Проклятие ДНК
Ювелирная работа
Кровь ангелов
Смерть под занавес

Ирина Градова

Смерть **под занавес**

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии А. Антонова

Градова, Ирина.
Г75 Смерть под занавес : роман / Ирина
Градова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-211705-3

Старший лейтенант Лера Медведь — толковый следователь и серьезная девушка, готовящаяся вступить в брак с достойным мужчиной. Но предсвадебный мандраж никто не отменял, и Лера, усомнившись в своем чувстве к жениху, опрометчиво бросается в объятия красивого и обаятельного актера Кирилла. К сожалению, то, что могло стать ни к чему не обязывающей интрижкой, получает неожиданное продолжение! Кирилл становится подозреваемым в убийстве, и расследование приходится вести именно Лере...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211705-3

ПРОЛОГ

Женщины. Какие же все-таки это удивительные существа! Независимо от внешности, они хотят нравиться и завоевывать сердца. Ради них мужчины пишут стихи и романы о любви, сочиняют баллады... А еще разоряются, грабят банки, убивают и развязывают войны.

Его всегда окружали женщины. Они были неотъемлемой частью его жизни – в отличие от мужчин, которые приходили и уходили, не оставляя после себя особого следа. Женщины по большей части были к нему добры – наверное, потому, что почти в каждой из них жила мать, желающая заботиться о ком бы то ни было. Правда, в этой заботе присутствовал элемент снисходительности, выносить которую с возрастом становилось все труднее. Чувство женского превосходства изумляло и раздражало: как физически слабые, живущие исключительно эмоциями существа могут обладать столь ярко выраженным высокомерием?! Однако женщины способны и на высокие душевные порывы, даже, пожалуй, подвижничество – малая их часть, но все же...

Он мечтал научиться манипулировать женщинами, однако, как выяснилось, не такое уж это простое искусство. А у них это, похоже, врожденное! Видимо, чтобы

освоить эту науку, необходимо отринуть общепринятые каноны порядочности...

Женщины нередко проявляли к нему доброту и щедрость. Однако та единственная, чьего расположения он стремился добиться, оставалась равнодушной ко всем его стараниям. Она отдала свое сердце другому человеку, не достойному ее обожания и поклонения.

Непостижимые они существа, эти женщины... Их так легко уничтожить, превратив в пыль их лица и тела, разрушив их самоуважение и веру в себя, но невозможно постичь до конца их сложносочиненную и такую противоречивую натуру! Они похожи на матрешек: снимешь один слой – а там другой, непохожий на предыдущий. И так бесконечно, пока не останется крошечная сердцевина, составляющая самую суть этих невероятных созданий... Но добраться до нее может разве что хороший психолог или психиатр, а обычному мужчине такое не под силу!

Он обожал женщин. Он боготворил их. И он их люто, до боли ненавидел. За то, что они падают и поднимаются, ранят других, уничтожают себя, а потом возрождаются, словно диковинные симурги из восточных сказок – в европейской мифологии их еще принято называть фениксами. И это неправильно: как говорится, умерла, так умерла!

* * *

Лера не назвала бы себя театралкой: она предпочитала кино, а еще больше книги, хоть в последнее время у нее почти не оставалось времени на чтение. Однако Алекс любил театр и частенько покупал билеты. Лере казалось, что, в отличие от кинематографа, театральное искусство чересчур наигранное, ненастоящее, преувеличенное, однако сегодняшний спектакль сломал созданные ею стереотипы: она пришла в восторг и от декораций, и от артистов, скачущих по сцене в зажигательных танцах и поющих голосами, которые и не снились поп-звездам! Но главное — сюжет: до последнего момента было непонятно, чем закончится представление. Действие происходило в Париже в конце XIX века. Пьеса строилась на пари двух скучающих светских львиц: в течение месяца они пытались завоевать сердце молодого актера по имени Филипп Суарен. Одновременно к Филиппу обратился пожилой полковник, недавно женившийся на молоденькой девушке, с просьбой проверить ее верность в браке: Суарен должен был за внушительную плату попытаться соблазнить красотку и предоставить супругу доказательства ее неверности.

— Честное слово, я думала, полковник застрелит Филиппа! — сказала Лера, когда они пешком шли к машине, которую ввиду нехватки места пришлось припарковать в нескольких кварталах от театра. — То, что служанка подменила пистолет на бутфорский и оттуда вылетел букет бумажных цветов... С другой стороны, это, конечно, чушь: офицер не мог не заметить разницы между настоящим оружием и игрушкой из арсенала фокусника!

— Ты слишком строга к деталям, — усмехнулся Алекс. — А вот я считаю, что пели и плясали они отлично, но сам спектакль по сути своей вредоносен!

— Это почему же? — удивилась Лера.

— Ну сама посуди: две скучающие бабы — замужние, прошу заметить! — пытаются добиться расположения беспринципного актеришки, готового на все ради денег! Этот, как его там... Суарен никого не любит, волочит за всеми юбками и принимает дорогие подарки от женщин за постельные утехы. Тебе не кажется, что это аморально?

— Тоже мне, моралист нашелся! — рассмеялась Лера. — Во-первых, в пьесе есть намек на реальные чувства, возникшие между Филиппом и служанкой Аннет. Он же объясняет, что вырос в бедной семье с кучей детей и у него был только один путь — в шахту, как и у его отца. Он выбрал побег и умудрился чего-то добиться...

— Но какой ценой? — перебил Алекс. — Он же натуральная проститутка! Стал актером, потому что над ним взяла шефство богатая меценатка, получал роли через жену директора театра и благосклонных к нему актрис!

— Не забывай, что речь о позапрошлом веке — тогда жизнь была другой! А чего ты хотел бы от Фи-

липпа — чтобы он пошел служить в армию или поступил в университет и стал врачом или адвокатом? С его родословной в те времена это было невозможно!

— То есть ты оправдываешь аморалку? Ведь пьеса как раз об этом!

— А я считаю, что она о том, что нужно быть осторожным со своими желаниями, — возразила Лера. — Если не готов узнать правду, не стоит пытаться глубоко копать, а провокация может обернуться большими проблемами! Ну вот чего этому полковнику было надо: его жена сидела себе дома в ожидании мужа и не помышляла ни о каких изменах — он сам подтолкнул ее к молодому повесе, а потом расстроился и захотел его грохнуть. За что, спрашивается?!

— Да ладно, признайся, тебе просто мордашка этого артиста понравилась! — фыркнул Алекс.

— У него потрясающий голос, — заметила Лера. — Ну и мордашка, надо признать, симпатичная!

— Вот, значит, какие тебе нравятся — слизняки? — надулся он.

— И вовсе он не слизняк, — заступилась она за артиста. — Просто он молодой, и амплуа у него соответствующее: герой-любовник.

В этом «интеллектуальном» споре они сами не заметили, как дошли до машины. Когда Лера усаживалась на переднее сиденье и пристегивала ремень, в ее ушах еще звучала завораживающая музыка из последнего акта. Даже мрачное выражение лица жениха не могло испортить ей настроение!

— Алла Гурьевна, это то, о чем я думаю? — поинтересовался Белкин, подходя.

— Я не умею читать мысли, Александр, — хмыкнула следователь. — Что же у вас на уме?

— Маньяк?

— С чего вы решили?

— Вы лицо ее видели?

— И что?

— Ее же «расписали», как индейца племени сиу!

— Скорее как клоуна... Скажите мне, о чем вам говорит поза жертвы?

— О чем?

— Да о том, Александр, что убийца выставил свое деяние напоказ!

— С чего вы взяли? — недоуменно поинтересовался молодой опер.

— Во-первых, он мог ее прикопать, чтобы никто никогда не нашел. Далее, убитая лежит на спине, руки сложены на груди — душегуб словно бы подготовил ее к похоронам. Одежда в порядке, но взгляните на лицо: что вы видите?

— Я уже сказал!

— Как считаете, смажутся ли губная помада и тушь во время борьбы? — раздался громкий голос за их спинами.

Обернувшись, оба увидели неслышно подошедшую Сурдину, самого классного судмедэксперта в Комитете. Маленькая, худенькая и чем-то неуловимо напоминающая крошечную обезьянку-игрунку, обитающую в лесах Амазонки, она постоянно носила на плечах увесистый рюкзак — чтобы не унесло случайным порывом ветра, как она сама шутила. Он и сейчас болтался у нее за спиной. Алла спросила себя,

что она там хранит, ведь все необходимые инструменты и реактивы находятся в специальных чемоданчиках, которые послушно таскают за начальницей двое ее подчиненных.

— Думаю, да, — ответил на вопрос Сурдиной Белкин.

— А ее макияж в полном порядке, так?

— *Макияж?*

— Он отличается от нанесенного обычными косметическими средствами.

— Ну, это еще неизвестно: если убийца сделал это после того, как...

— И все-таки, — перебила Сурдина, — я настаиваю! Точнее скажу позже, когда доберусь до СК... Боюсь, Алла Гурьевна, начальство не обрадуется!

— Вы тоже полагаете, что мы имеем дело с маньяком?

Эксперт только плечами пожала: все казалось ей вполне очевидным.

— Нашли сумку жертвы?

— Нет, сумки при убитой не обнаружено. Документов и телефона тоже нет, — предвосхищая следующий вопрос, добавила судмедэксперт.

— А можно сказать, убили ее здесь или...

— Сейчас нет, — перебила Аллу Сурдина. — Женщину ударили в висок тяжелым тупым предметом, после чего задушили, поэтому, как вы понимаете, следы крови отсутствуют. Следов волочения тоже нет, но ее вполне могли принести. Возможно, анализ подногтевого содержимого что-то подскажет?

— Я почти уверена, что она умерла где-то в другом месте, — пробормотала Алла.

— Почему? — поинтересовался Белкин.

— Да потому, мой юный друг, что приличная женщина вряд ли потащится на мусорный полигон в ночи! — усмехнулась Сурдина. — Я полностью с вами согласна, Алла Гурьевна: скорее всего, дама погибла не здесь. Кому, черт подери, пришлось в голову притащить ее в такое место и так размалевать — просто шапито какое-то!

— Скорее, театр, — задумчиво кивнула Алла. — Хорошо, подожду отчета, Анна Яковлевна. Буду благодарна, если вы позвоните мне, как только получите первые данные: не хотелось бы дожидаться официальных бумаг.

— Обязательно, Алла Гурьевна, — серьезно кивнула судмедэксперт. — Я же понимаю, как на вас теперь насядут.

Сурдина удалилась в сопровождении своих помощников, двое из которых несли на носилках прикрытое простыней тело. Мусорный полигон Северная Самарка находился в десяти километрах от города, в поселке Карьер Мяглово, что во Всеволожском районе. Он предназначался для захоронения твердых коммунальных и промышленных отходов, однако тут и там высились кучи гниющего бытового мусора, включая пищевые отходы. Алла успела выяснить, что полигон действует, несмотря на то, что признан переполненным.

— Почему вы решили, что тело привезли ночью? — спросил Белкин.

— Что вы видите вокруг, Александр? — вместо ответа задала она встречный вопрос.

— Мусор.

— А еще?

— Чаек...

— Ну а помимо них? Взгляните туда! — Алла махнула рукой в сторону съезда с шоссе.

— Машины.

— Самосвалы, Александр. Много, очень много самосвалов!

— А-а...

— Вы можете себе представить, чтобы при свете дня, когда здесь непрерывно ездят грузовики, кто-то успел не только притащить сюда труп, но и навести ему марафет?

— Ну да, сомнительно, — хмыкнул Белкин. — Значит, и свидетелей мы тут вряд ли найдем, не говоря уже о камерах!

— Ну, насчет камер вы, пожалуй, правы, хотя можно попробовать отсмотреть видео с тех, что на шоссе... А вот свидетели могут и отыскаться! Здесь рядом поселок, верно?

— Вы думаете, жители сюда заходят? Тут же вонь страшная!

Это была сущая правда: за время пребывания на месте преступления Алла «принюхалась» к невыносимому запаху отходов и почти перестала его замечать, но трудно представить, что кто-то добровольно, без особой нужды решит прогуляться по свалке.

— И все-таки, Александр, надо попытаться, — сказала она твердо, отменяя дальнейшие возражения. — Берите коллег и отправляйтесь в поселок: может, кто-то что-то видел.

Когда молодой опер удалился с недовольной миной, Алла подняла глаза. В низком ноябрьском небе с дикими воплями кружили чайки. К их крикам примешивались вороньи «трели» — интересно, как местные выносят эту какофонию с утра до вечера?! Как

вообще можно терпеть у себя под боком горы разнообразного мусора — это же так вредно для здоровья... Во всяком случае, неизвестная женщина, найденная здесь, точно бы с этим согласилась!

* * *

Эльвира появлялась в жизни Леры неожиданно, почти никогда не предупреждая о своем приходе. Она объясняла это тем, что сестрица непременно найдет отговорку, чтобы не встречаться, сославшись на занятость, усталость или солнечное затмение. Это была сущая правда: проводя много времени среди людей, Лера ценила моменты одиночества и любила побыть наедине с собой хотя бы несколько вечерних часов, нормально поесть, посмотреть телевизор или почитать на сон грядущий. Эля же являлась полной противоположностью сестре, обожая вечеринки, рестораны и прочие выходы в свет. Ее муж Арамаис полностью поддерживал супругу, и они редко проводили время в четырех стенах. Эльвире было все равно, куда идти — на вернисаж, театральную премьеру или в гости: для нее имел значение сам факт общения с миром. Мама считала, что это из-за отсутствия детей в браке: как Арамаис и Эля ни старались, у них не получалось зачать ребенка. Эльвира делала вид, что все хорошо, и только Лера знала, как сильно сестра переживает. Судя по многочисленным обследованиям, медицинские проблемы у обоих супругов отсутствовали, но это ничего не меняло.

И вот, только Лера собралась хорошенько закусь едой, заботливо оставленной накануне мамой, знающей, что младшей дочурке не до домашней го-

товки, сестрица появилась на пороге ее квартиры, как обычно разодетая в пух и прах. На самом деле ничего особенно экстравагантного Эля не наде- ла, но на ней любой наряд смотрелся так, словно был доставлен прямиком с европейских подиумов. В прихожей она скинула светлое шерстяное пальто, под которым оказалось синее шелковое платье, от- лично гармонизировавшее с ее прекрасными голубы- ми глазами и светлыми волосами, которые Эльвира, хоть и была блондинкой от природы, подкрашивала специальным шампунем в пепельный оттенок. Как всегда, на ней сверкали бриллианты — на этот раз черные. Придирчиво осмотрев себя в зеркале, Эля крутанулась на каблуках и заявила:

— Собирайся, мы идем на прием!

— Вот уж нет! — фыркнула Лера, пятясь назад, словно опасаясь, что сестра напрыгнет на нее и по- тащит за дверь силой. — У меня другие планы...

— Я звонила Алексу, — перебила Эльвира, — и он сказал, что сегодня работает допоздна: какие у тебя могут быть планы без него?

— А что, ты теперь воспринимаешь меня только как придаток Алекса? — обиделась Лера.

— Жена — часть мужа, а вы почти женаты!

— Ну, до этого еще далеко!

— Новый год не за горами: вы ведь собирае- тесь пожениться в конце декабря, верно? Так что давай-ка поглядим, что у тебя есть в шкафу, что не стыдно выгулять к вице-губернатору!

— К... кому? — пробормотала Лера, еще больше испугавшись. — Ты с ума сбрендила, мать?!

— И ничего я не сбрендила, просто нас пригла- сили на годовщину, а Арик, как назло, задержится